

В ОФИСЕ
ОНИ НЕ ЗАМЕЧАЮТ ДРУГ ДРУГА
НА ТРАССЕ —
ГОТОВЫ УНИЧТОЖИТЬ

асфальт *для двоих*

Анастасия Задворнова

Асфальт для двоих

«Автор»

2026

Задворнова А.

Асфальт для двоих / А. Задворнова — «Автор», 2026

В офисе она — серая мышь в уродливых очках и бесформенном кардигане. Он — ледяной владелец автоимперии, которого боится весь персонал. Но по субботам на заброшенном аэродроме они превращаются в легенд подпольных гонок. Они ненавидят друг друга до дрожи в руках, сражаясь за титул лучшего гонщика города, и не подозревают, что делят один офис на двоих.

© Задворнова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серый кардинал в кардигане	5
Глава 2. Железный трон и бензиновая кровь	10
Глава 3. Красная зона	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анастасия Задворнова

Асфальт для двоих

Глава 1. Серый кардинал в кардигане

(Повествование от лица Веры)

Зеркало в офисном лифте безжалостно ко мне. Я стараюсь в него не смотреть, но сегодня оно будто нарочно приклеилось ко мне взглядом. Тридцать шесть квадратных метров полированной бронзы, и все — для того, чтобы показать мне моё место.

Из отражения глядела женщина, которую никто не запоминает. Серый кардиган крупной вязки висел на моих плечах, как пыльный мешок, скрадывая всё, что могло бы хоть отдалённо напоминать женскую фигуру. Под ним — белая блузка, застёгнутая на все пуговицы, включая верхнюю, ту, что у самого горла. Будто я пыталась задушить саму себя до начала рабочего дня. Юбка-карандаш длиной до середины колена, тёмно-синяя, бесформенная. Туфли на низком устойчивом каблучке — «лодочки», которые никогда никуда не плыли, а просто механически переносили моё тело от двери к столу.

Волосы. Мои волосы. Их почти не видно. Я стянула их в тугий, болезненный узел на затылке, спрятав под ободком. Ни одной выбившейся пряди. Зато видно моё лицо. Бледное, чуть осунувшееся от недосыпа. Очки в тяжёлой чёрной оправе, которую я нарочно выбрала самую уродливую в оптике. За стёклами — глаза. Карие. Единственное, что во мне не серое. Но кто туда додумается заглянуть?

Я поправила очки привычным жестом и одёрнула кардиган, натягивая его почти до колен. Запахнулась, как в броню. Чем больше ткани, тем меньше меня. Тем меньше шансов, что кто-то увидит то, что под ней.

Лифт дзинькнул, двери разъехались, впуская меня в стерильное царство «Gradov Auto». Белый мрамор пола. Хромированные стойки. Стекло, металл, холод. Интерьер, который кричал о деньгах, но молчал о душе. Здесь пахло кондиционированным воздухом, свежей типографской краской буклетов и дорогим одеколоном. Его одеколоном. Он пропитал здесь всё, даже бумагу в моём принтере.

Здесь я работала финансовым аналитиком. Здесь я была голосом цифр, который никто не хотел слышать, но все были вынуждены терпеть. Я прошла через опенспейс, чувствуя, как взгляды коллег скользят по мне и падают на пол, не задерживаясь. «Мышь», — слышала я однажды шёпот секретарши. Она была права.

Но она не знала, что у мыши есть нора, где она перевоплощается в лису.

Я заняла своё место за угловым столом, отсюда открывался вид на дверь его кабинета. Не то чтобы я хотела его видеть. Просто так сложилось. Я включила компьютер и положила перед собой папку с квартальным отчётом. Цифры — моя мантра. Дебет, кредит, EBITDA, ROI. В мире, где люди врут, цифры всегда говорят правду. Они успокаивают.

Но сегодня даже они нервничали. Строки плясали перед глазами. Вчера ночью я снова была на аэродроме. Вчера я тестировала новую турбину. И вчера же меня снова подрезал этот чёртов «Мустанг». Молния. Его тень до сих пор стояла у меня перед глазами: как он вынырнул из слепой зоны, как пролетел в миллиметре от моего бампера, как его задние габариты насмешливо подмигнули мне перед поворотом. Я тогда еле удержала «Хонду». И поклялась, что в следующую субботу он будет глотать мою пыль.

Взгляд невольно опустился на мои руки. Ногти коротко острижены, покрыты прозрачным лаком. Никакого маникюра. Только мозоли. Жёсткие, глубокие, у оснований пальцев и на ладонях. Следы от гоночных перчаток. Но кто их увидит, если я всё время держу руки под

столом или сжимаю в кулак? Я приучилась прятать их с юности. Даже когда расписываюсь в ведомости, ручку держу так, чтобы тыльная сторона ладони была видна больше, чем внутренняя. Паранойя? Возможно. Но именно она позволяла мне жить двойной жизнью уже три года.

Дверь его кабинета открылась.

Я не подняла головы. Я никогда не поднимаю. Это часть моей легенды. Но всё моё существо мгновенно сжалось в пружину. Воздух изменился ещё до того, как он появился в поле зрения. Он всегда приносит с собой статическое электричество. Или это моё сердце начинает генерировать ток?

Алексей Викторович Градов. Тридцать пять лет. Владелец всего этого великолепия. Мой босс.

Он вышел из кабинета, и мир вокруг на секунду замер. Я видела его ноги в идеально начищенных оксфордах цвета горького шоколада. Дальше — стрелки брюк, острые, как ножи. Он всегда одевался так, будто прямо из офиса пойдёт на обложку Forbes. Серый костюм-тройка, явно сшитый на заказ у какого-нибудь итальянского мастера, который знает все секреты мужской анатомии. Жилет облегал его торс, не скрывая, а, наоборот, подчёркивая рельеф. Белая рубашка с запонками. Галстук цвета антрацита. Всё сидело как вторая кожа.

Я позволила себе поднять взгляд на долю секунды. Выше, выше. Широкая грудь, которая распирает ткань рубашки при каждом вдохе. Широкие плечи, разворот которых говорил о годах в спортзале или... о гоночном кокпите, где надо держать тугие удары руля. Шея сильная, с выступающим кадыком. И лицо.

Чёрт бы побрал его лицо.

Волевой подбородок, который он всегда чуть задирает, глядя на подчинённых. Губы — жёсткие, чётко очерченные, редко растягивающиеся в улыбке, разве что в саркастической. Нос с едва заметной горбинкой — наверное, ломал когда-то, но это только добавило ему мужественности. Скулы острые, как лезвия бритвы, кожа гладко выбрита, хотя к вечеру на ней уже проступает тёмная тень. Глаза. Серые, как осеннее небо перед грозой. Холодные, цепкие, ничего не упускающие. Волосы тёмно-русые, коротко стриженные, уложенные в идеальном беспорядке, который наверняка стоит ему двадцати минут перед зеркалом каждое утро.

Он красив. До зубного скрежета красив. И он это знает. Это видно по тому, как он движется: с грацией хищника, который уверен, что все вокруг — добыча. Секретарша Леночка расправляет плечи и выпячивает грудь, когда он проходит мимо. Менеджеры вжимают головы в плечи. Я... я смотрю в монитор и считаю про себя: «Раз, два, три. Сейчас пройдёт».

Но сегодня он не прошёл.

— Соболева.

Его голос — низкий баритон с лёгкой хрипотцой, будто он только что спорил или кричал. Или пел. Или... Этот голос каждую субботу орёт на меня по рации: «Лиса, ты самоубийца!». При мысли об этом у меня внутри всё перевернулось. Спокойно, Вера. Он просто твой босс. Ты — просто его аналитик.

— Да, Алексей Викторович, — я подняла глаза на мгновение ровно на ту долю секунды, которая считается вежливой, и тут же опустила обратно. Я не смотрела ему в глаза. Я смотрела на его галстук. Узел «Виндзор». Безупречный.

— Зайдите ко мне через пять минут. С отчётом по «Экзотик Карс».

Он развернулся и ушёл обратно в кабинет, оставив за собой шлейф запаха. Горький бергамот, сандал, что-то кожаное. И... опять. Снова этот шлейф. Едва уловимый, спрятанный под дорогим парфюмом, но я-то чувствую. Моё обоняние за годы в гараже стало звериным. Запах бензина. И горячего металла. Откуда? Откуда у владельца автосалонов, который ездит на заднем сиденье «Мерседеса» с водителем, руки пахнут высокооктановым топливом?

Может, он просто заходит в сервисный цех? Проверяет машины? Да, наверняка. Я накручиваю себя. Слишком много гонок, слишком много Молнии в голове. Пора спать ночами, Вера.

Я взяла планшет, папку и глубоко вдохнула. Пять минут. Мне нужно пять минут, чтобы напомнить себе, кто я здесь.

Здесь я Вера Соболева. Серая мышь. Финансовый аналитик. Мой удел — цифры.

Через пять минут я вошла в его кабинет.

Интерьер этого кабинета всегда производил на меня гнетущее впечатление. Это было пространство, спроектированное для доминирования. Огромный стол из тёмного дерева, за которым он сидел, как на троне. Кожаное кресло с высокой спинкой. Минималистичные стеллажи, на которых стояли не книги, а модели редких автомобилей. «Феррари Тестаросса», «Ламборджини Миура», «Форд Мустанг» 1969 года. За его спиной — панорамное окно, из которого открывался вид на город. Он любил высоту. Любил смотреть на всех сверху вниз.

Сам он стоял у окна, сложив руки за спиной. Я видела его силуэт в прорези света. Пиджак он уже снял и повесил на спинку кресла. Жилет плотно обтягивал его спину, сужаясь к талии. У него была фигура пловца или бойца: широкий верх, узкие бёдра, длинные сильные ноги. Я сглотнула. В голове некстати вспыхнула картинка: он в гоночном комбинезоне, потный, вылезает из «Мустанга» после гонки, сдирает шлем...

Стоп. Откуда эта картинка? Я же никогда не видела лица Молнии. Это всё моё воображение. Моё проклятое воображение, которое дорисовывает образ босса до образа врага. Или, наоборот.

— Вера Павловна, — он повернулся ко мне лицом, и я тут же пригвоздила взгляд к своему планшету. — Я не люблю, когда мои распоряжения игнорируют. Отчёт по «Экзотик» должен был быть у меня вчера.

— Он готов, Алексей Викторович, — я шагнула к столу и положила папку. Мои пальцы чуть дрогнули, но я справилась. — Однако, прежде чем вы примете решение, я бы хотела обратить ваше внимание на несколько цифр.

Он поднял бровь. Сел в кресло, откинулся на спинку. Ткань жилета натянулась на груди, обрисовывая мышцы. Я смотрела строго в планшет.

— Я слушаю.

— Маржинальность сделки при текущем валютном курсе составляет минус восемь процентов. Растаможка, логистика, предпродажная подготовка — мы уходим в глубокий минус. Чтобы выйти в ноль, нужно поднимать розничную цену на двадцать процентов выше рынка. Конкуренты нас сожрут.

Тишина. Он молчал, и это было хуже крика. Я чувствовала его взгляд. Он смотрел на меня. Не на отчёт. На меня. Это было непривычно. Я всегда была для него предметом интерьера, чем-то вроде кофемашины или степлера.

— Вера Павловна, — медленно произнёс он, и каждое слово было как шаг по тонкому льду. — А вы всегда такая... дотошная?

— Это моя работа, — ответила я, всё ещё глядя в цифры. — Просчитывать риски.

— И просчитываете всё? Все риски? — в его голосе появилась странная интонация. Не сарказм. Что-то другое. Любопытство?

Я рискнула поднять глаза. На секунду. Он смотрел на меня в упор, и в его серых глазах я увидела что-то, отчего моё сердце пропустило удар. Он изучал меня. Как будто впервые увидел.

— Да. Всё, что можно просчитать, — сказала я, и мой голос прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

— А что насчёт того, что нельзя просчитать? — он вдруг подался вперёд, кладя локти на стол. Движение было плавным, кошачьим. — Интуиция? Чутьё? Азарт?

— Это не входит в мою компетенцию, — отрезала я, опуская взгляд. — Я работаю с фактами.

Он усмехнулся. Только уголком губ. Но усмешка вышла какая-то... не злая. Скорее, задумчивая.

— Интересно, — протянул он. — Очень интересно. Ладно. Оставьте отчёт. Я подумаю. И... — он сделал паузу, и я напряглась. — Завтра суббота. Надеюсь, у вас запланирован хороший отдых, Соболева. Вы выглядите уставшей.

Я вздрогнула. Суббота. Он сказал «суббота» с каким-то особым нажимом. Случайность? Или он знает? Нет. Не может знать.

— Хороших выходных, Алексей Викторович, — пробормотала я и вышла из кабинета быстрее, чем позволяли приличия.

Моё сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали. Я почти бежала к своему столу, чувствуя, как горят щёки. Что это было? Почему он так на меня смотрел? И эта фраза про субботу...

Весь оставшийся день я не могла сосредоточиться. Цифры расплывались перед глазами. В голове крутилась одна мысль: завтра ночью. Аэродром. Кубок Феникса. Там я другая. Там я — Чёрная Лиса. Там я скину эту серую кожу и вдохну полной грудью воздух, пропитанный бензином, жжёной резиной и адреналином. Там я встречу Молнию. И уделаю его. Чего бы мне это ни стоило.

Вечером, когда рабочий день закончился, и я вышла из офиса, город встретил меня сумерками. Я села в автобус и поехала на окраину, в свой район — спальный, тихий, с панельными многоэтажками, где никто не знает соседей в лицо. Идеальное место для той, кто хочет исчезнуть.

Моя квартира — однокомнатная студия на десятом этаже — была полной противоположностью тому, что можно ожидать от «серой мыши». Никто из коллег здесь не был. Никто не видел моих стен. А на стенах — фотографии. Гоночные треки. Спорткары. Моя «Хонда» в разные годы, в разных стадиях тюнинга. Полки с кубками — неофициальные соревнования, ночные гонки, любительские чемпионаты. Я собрала их дюжину за три года. И всё это скрыто от мира за стальной дверью.

Я скинула туфли. Стянула с себя кардиган, юбку, блузку. Всё это полетело в угол, как ненужная декорация. Подошла к большому зеркалу в полный рост, которое стояло у шкафа.

Из отражения на меня смотрела женщина, которую офис никогда не видел.

Без очков мои глаза сразу стали больше, ярче, в них появился тот самый дерзкий блеск, который так бесит Молнию. Я распустила волосы — тугий узел исчез, и они водопадом обрушились на плечи. Огненно-рыжие, цвета расплавленной меди, они засияли в свете лампы, как жидкое пламя. Я редко красила их — природа наградила таким оттенком, что любой колорист обзавидуется. В офисе я нарочно собирала их так, чтобы почти не было видно цвета. Здесь же они струились до лопаток, обрамляя лицо.

Фигура. Я провела ладонями по телу, сбрасывая остатки офисной скованности. Кардиган скрывал не дряблую плоть, а поджарое, тренированное тело. Узкая талия, плоский живот, сильные бёдра. Грудь небольшая, аккуратная, мышцы рук рельефные, но не перекачанные — ровно столько, чтобы удерживать руль в самых жёстких виражах. Я годами работала над собой: бег, функциональный тренинг, силовые. Но всё это было спрятано под слоями бесформенной одежды. Моя броня. Моя маскировка.

Я усмехнулась своему отражению. Вот она, Чёрная Лиса. Шикарная, опасная, знающая себе цену. Та, которую на трассе боятся, а в гараже уважают. Та, которая не проигрывает.

Я надела чёрный топ, кожаные легинсы и куртку-косуху. Вышла из квартиры, спустилась в подземный паркинг, где в дальнем углу, под брезентом, спала моя истинная любовь.

«Хонда S2000». Тюнингованная до последнего винтика. Чёрный матовый кузов, карбоновый обвес, турбина, форсированный движок. Я сдёрнула брезент и провела ладонью по капоту. Моя девочка.

До «Кубка Феникса» оставалось чуть больше суток. Пора проверить её перед гонкой.

Я поехала в гаражный кооператив, где меня знали не как Веру Соболеву, а как Лису. Там, среди масляных пятен, прокуренных стен и старого рок-н-ролла из колонок, я была своей. Там меня ждали мои механики — пара надёжных парней, которые не задавали лишних вопросов.

— Лиса, глянь, — Паша, мой главный технарь, кивнул на движок. — Турбина настроена. Прибавка около сорока лошадей. Молния обосрётся.

— Отлично, — я ухмыльнулась, натягивая гоночные перчатки. — Он думает, что его «Мустанг» — это божество. Пора спустить его на землю.

Я села за руль, завела двигатель. Рёв мотора наполнил гараж, проник в каждую клеточку тела. Вот это музыка. Вот это жизнь. Я закрыла глаза и представила завтрашнюю ночь. Трассу. Рёв трибун. И его. Молнию. Как он приближается в зеркалах заднего вида. Как я уйду из-под его носа на повороте. Как он орёт что-то по рации, а я смеюсь.

Но где-то в глубине души, в самой тёмной её части, шевельнулось странное чувство. Что-то неуловимое. Мысль о том, как сегодня босс смотрел на меня. О том, что его голос по рации и голос в кабинете — это один и тот же тембр. Глупость. Просто совпадение. Таких тембров тысячи.

Или нет?

Я тряхнула головой, отгоняя морок. Хватит. Завтра гонка. Завтра я разорву его. А сегодня я — Чёрная Лиса. И никто не встанет у меня на пути.

Я нажала на газ, и «Хонда» рванула в ночь, растворяясь в потоке городских огней.

Глава 2. Железный трон и бензиновая кровь

(Повествование от лица Алексея)

Утро пятницы. Мой любимый день. Все нормальные люди ждут пятницу, потому что впереди выходные. Я жду пятницу, потому что впереди суббота. И плевать, что за окном серый рассвет и город тонет в промозглой мороси. Внутри меня всегда пекло.

Я стоял перед зеркалом в спальне и застёгивал запонки. Платина. Холодный металл. Мой стиль. Офис не прощает расслабленности, а я не прощаю офису его серости. Квартира за спиной отражалась в зеркале: лофт с панорамными окнами от пола до потолка. Кирпичная кладка, тёмное дерево, кожаная мебель, хромированные светильники. Всё дорого, стильно, продумано до мелочей. Как я сам. Ни одной случайной вещи. Ни одной лишней эмоции.

Я смотрел на своё отражение и остался им доволен. В тридцать пять я выглядел лучше, чем в двадцать пять. Широкие плечи разворачивали рубашку так, что ткань натягивалась, но не морщила. Грудь — результат сотен часов в качалке, но не тупая масса, а рельеф, выточенный функциональными тренировками: становая тяга, подтягивания с весом, плиометрика. Пресс — восемь чётких кубиков, которые я не показывал никому, кроме зеркала, но знал, что они есть. Руки — сильные, с проступающими венами, но не перекачанные: руль нужно держать тонко, чувствовать.

Лицо. Я наклонился ближе к стеклу. Скулы, подбородок, линия челюсти — всё жесткое, рубленое. Глаза серые, холодные. Сегодня в них что-то особенное. Предвкушение. Завтра суббота. Завтра трасса. Завтра она.

Лиса.

Я сам не заметил, как сжал зубы. Эта женщина была занозой в моём мозгу. Каждую чёртову субботу она возникала на аэродроме, как призрак, и портила мне гонку. Нет, не портила. Она делала её настоящей. До неё я выигрывал скучно. Приезжал, жал газ, получал приз. С ней каждая гонка превращалась в войну. Она была быстрой, дерзкой и абсолютно бесстрашной. Я её ненавидел. Я её уважал. Я хотел узнать, кто она.

Я провёл ладонью по щеке — выбрит идеально. От меня пахло дорогим одеколоном, но я знал: под этим запахом всегда живёт другой. Запах бензина, который вьелся в поры. Его не вывести ни одним мылом. Я не хотел его выводить.

Пора в офис.

Офисное здание «Gradov Auto» встретило меня холодом мраморного холла. Мои сотрудники вышколены, как гвардейцы. Охранник вытянулся по струнке. Лифтёр, пожилой мужик с военной выправкой, поздоровался коротко и почтительно. Я кивнул. В этом здании я был императором.

Двери лифта разъехались, я вышел в опенспейс. Взгляды — в пол. Секретарша Леночка вскочила, заулыбалась так, что чуть скулы не треснули.

— Алексей Викторович, доброе утро! Вам кофе? В переговорной ждут из «Бош», и ещё звонил...

— Позже, — оборвал я, не сбавляя шага.

Я прошёл в кабинет, скинул пиджак и повесил его на спинку кресла. Подошёл к окну и замер, глядя на город. Мысли крутились вокруг одного: завтра. Но перед завтра была сегодняшняя рутина. Отчёты, звонки, совещания. И Соболева.

Я вышел из кабинета. Сам. Без вызова через секретаршу. Мне вдруг захотелось увидеть её реакцию, когда я подойду лично. Она сидела за своим столом, уткнувшись в монитор. Серый кардиган, этот дурацкий пучок на голове, очки. Я подошёл ближе.

— Соболева.

Она вздрогнула. Едва заметно, но я уловил. Подняла глаза на мгновение — ровно на ту долю секунды, которая считается вежливой, — и тут же опустила обратно к монитору.

— Да, Алексей Викторович.

— Зайдите ко мне через пять минут. С отчётом по «Экзотик Карс».

Я развернулся и ушёл обратно, не дожидаясь ответа. По пути бросил взгляд на Леночку — та аж привсталала, но я мотнул головой: не сейчас. Закрыл дверь и вернулся к окну.

Пять минут. Я смотрел на город и ждал. Почему я нервничаю? Из-за мыши? Нет. Из-за того, что она сказала вчера? Или из-за запаха? Да, чёрт возьми, из-за запаха. Он сводил меня с ума.

В дверь постучали.

— Войдите.

Я не повернулся. Стоял спиной, как истукан, и ждал. Услышал, как она вошла, как мягко закрылась дверь, как её шаги замерли в паре метров от меня.

Она не села. Да я и не предлагал. Пусть стоит. Мне так удобнее думать.

— Вера Павловна, — я по-прежнему не оборачивался. — Я не люблю, когда мои распоряжения игнорируют. Отчёт по «Экзотик» должен был быть у меня вчера.

— Он готов, Алексей Викторович, — её голос звучал ровно. Слишком ровно для человека, который должен бояться. — Однако, прежде чем вы примете решение, я бы хотела обратить ваше внимание на несколько цифр.

Я медленно развернулся. Она стояла в нескольких шагах от меня, вцепившись в свой планшет. Смотрела куда-то в район моего галстука. Я сделал шаг вперёд. Ещё один. Сократил дистанцию до минимума. Она не отступила, но я заметил, как её пальцы чуть сильнее сжали край планшета.

Я втянул воздух. Вот он. Опять этот запах. Металл. Бензин. Что-то горьковато-сладкое. И он шёл от неё. От этой серой мыши, которая якобы ездит на автобусе.

— Я слушаю, — сказал я, глядя на неё сверху вниз.

— Маржинальность сделки при текущем валютном курсе составляет минус восемь процентов. Растаможка, логистика, предпродажная подготовка — мы уходим в глубокий минус. Чтобы выйти в ноль, нужно поднимать розничную цену на двадцать процентов выше рынка. Конкуренты нас сожрут.

Чеканит. Как автоматная очередь. Ни одной запинки. Я смотрел на неё и не узнавал ту Соболеву, которую привык не замечать два года. В её голосе была сталь. Та самая сталь, которую я слышал по рации каждую субботу.

Бред. Откуда?

— Вера Павловна, — я наклонил голову чуть набок, разглядывая её. — А вы всегда такая... дотошная?

— Это моя работа, — ответила она, не поднимая глаз. — Просчитывать риски.

— И просчитываете всё? Все риски?

Я видел, как она сглотнула. Видел, как чуть дрогнула жилка на её шее. Она боится. Но не меня. Чего-то другого.

— Да. Всё, что можно просчитать, — сказала она, и голос снова стал ровным.

— А что насчёт того, что нельзя просчитать? — я подался вперёд, вторгаясь в её личное пространство. Хотел проверить, сломается или нет. — Интуиция? Чутьё? Азарт?

— Это не входит в мою компетенцию, — отрезала она. — Я работаю с фактами.

Я усмехнулся. Только уголком губ. Внутренне я почти восхищался. Почти. Она стояла передо мной, как крепость. Но я видел, как под кардиганом колотится сердце.

— Интересно, — протянул я, делая шаг назад и возвращая ей немного воздуха. — Очень интересно. Ладно. Оставьте отчёт. Я подумаю.

Она выдохнула. Тихо, но я услышал. И тут меня как током ударило. Этот выдох. Такое же короткое, облегчённое дыхание я слышал по рации, когда Лиса уходила от моего обгона.

Я замер.

— И... — я сделал паузу, и она напряглась. — Завтра суббота. Надеюсь, у вас запланирован хороший отдых, Соболева. Вы выглядите уставшей.

Она вздрогнула. Точно вздрогнула. Мои слова попали в цель. Почему? Потому что суббота — день гонок?

— Хороших выходных, Алексей Викторович, — пробормотала она и вышла из кабинета быстрее, чем позволяли приличия.

Я остался один. В воздухе всё ещё висел её запах. Или мне казалось?

Я подошёл к столу и опустился в кресло. Закрыл глаза. Прокрутил в голове разговор. Её голос. Её запах. Её мозоли — я успел заметить их на пальцах, когда она клала папку на стол. Мозоли гонщика. И этот выдох. Чёрт.

Вера Соболева. Серая мышь. Мой финансовый аналитик. Не может быть. Этого просто не может быть. Лиса — дерзкая, наглая, опасная. Соболева — тихая, бесцветная, незаметная. Они не могут быть одним человеком.

Но что-то внутри меня, какая-то древняя, звериная интуиция, уже завывала сиреной. Ты упускаешь что-то важное, приятель.

Весь оставшийся день я был рассеян. Подписывал документы, не вчитываясь. На совещании с «Бошем» думал о настройках турбины. Обед пропустил — не лезло. В голове крутились две женщины, которые не давали мне покоя. Одна — дерзкая стерва на чёрной «Хонде». Вторая — тихий аналитик, которая сегодня стояла передо мной и говорила со мной голосом Лисы.

Или мне просто кажется? Я схожу с ума от недосыпа и предгоночного мандража? Нужно выспаться. Нет, не сегодня. Сегодня я поеду в гараж.

Вечером я вышел из офиса и сразу переключил телефон в режим «не беспокоить». Время офиса кончилось. Начиналось моё время.

Я приехал в гараж.

Мой гараж — это не то, что люди представляют себе при слове «гараж». Это бывший заводской цех на окраине, который я выкупил и переоборудовал под себя. Огромное пространство с бетонными полами, высокими потолками и промышленными светильниками. Здесь пахло маслом, резиной, металлом и бензином — священными ароматами моей религии. На стенах — неоновая вывеска «Molniya Garage» и старые гоночные флаги. В углу — бильярдный стол, барная стойка, холодильник с пивом. В другом конце — подъёмники, инструменты, стеллажи с запчастями. Посередине, на специальном подиуме, стоял мой «Мустанг». Чёрный, заниженный, с алыми гоночными полосами вдоль кузова. Мой зверь. Моя гордость.

Здесь я был не Алексеем Викторовичем Градовым, владельцем сети автосалонов. Здесь я был Молнией. И здесь меня ждали мои друзья.

— О, гляди, кто пришёл! Босс!

С барного стула прыгнул Костя «Боксёр» — мой давний друг, механик и верный напарник. Здоровенный, лысый, с бородой, в вечно промасленной футболке. Мы гоняли с ним вместе ещё с двадцати лет, когда у меня не было ни гроша, а у него — ни одного целого ребра после уличных драк. Он был единственным, кто знал меня настоящего.

— Боксёр, — я пожал ему руку, чувствуя его стальную хватку. — Как моя девочка?

— Твоя девочка — конфетка. Турбину перебрал, свечи новые поставил, подвеску поджал. Завтра эта японская выскочка умоется слезами.

Я усмехнулся. Боксёр ненавидел Лису даже больше, чем я. Нет, не так. Он ненавидел «Хонду» как машину, а Лису уважал, хоть и ворчал.

— Лиса — не выскочка, — я подошёл к «Мустангу» и провёл ладонью по капоту. — Она единственная, кто умеет ездить. Это надо признать.

— О, я слышу это? — из-за подъёмника вышел второй мой друг и по совместительству штурман, Игорь «Док». Худой, очкастый, вечно с ноутбуком под мышкой. Он отвечал за телеметрию, расчёт траекторий и всю ту науку, которую я презирал, но без которой не мог выигрывать. — Алексей Градов признаёт, что кто-то умеет ездить? Запишите дату!

— Заткнись, Док, — беззлобно бросил я и плеснул себе виски из бутылки на стойке. — Просто она реально хороша. И она меня бесит.

— Она тебя бесит, потому что ты не знаешь, кто она, — хмыкнул Боксёр, закуривая прямо в цехе. — Если бы знал — уже бы либо переспал с ней, либо уволил. Или и то, и другое, зная тебя.

Я глотнул виски. Он был прав. Неизвестность — вот что сводило меня с ума. Вот уже полгода я гоняю с женщиной, которую ни разу не видел в лицо. Которая скрывается под глухим шлемом и зеркальным визором. Которая говорит со мной по рации так, будто мы с ней женаты лет двадцать и она меня презирает.

— Знаешь, — я поставил стакан на стол и задумчиво уставился на кубики льда. — Сегодня в офисе у меня была странная ситуация.

— О, бабы! — оживился Боксёр. — Рассказывай.

— Одна сотрудница. Серая мышь. Работает у меня два года, я её даже не замечал. А сегодня подошёл к ней близко и почуял запах бензина. И мозоли на руках.

— Мозоли? — Док оторвался от ноутбука.

— Гоночные. Как у нас.

Повисла пауза. Потом Боксёр заржал:

— Так, может, она по выходным гоняет? Или ты думаешь, что каждая баба, у которой руки в мозолях, — это твоя Лиса?

— Нет, — я мотнул головой. — Лиса — это Лиса. А Соболева — это Соболева. Просто странно. Запах этот...

— Лёх, — Док поправил очки и посмотрел на меня серьёзно. — Ты просто зациклился на Лисе. У тебя уже галлюцинации. Скоро будешь видеть её в каждой прохожей. Выдохни. Завтра гонка — там и разберёшься.

— Да, ты прав, — я тряхнул головой. — Просто нервы.

Но внутри я знал: это не нервы. Что-то здесь не так. И завтрашняя гонка либо подтвердит мои подозрения, либо развеет их навсегда.

Мы проговорили допоздна. Обсуждали стратегию, вспоминали старые гонки, травили байки. Здесь, в гараже, я был другим. Я смеялся, шутил, хлопал парней по плечам. Я позволял себе быть громким, развязным, живым. Не тем ледяным истуканом, которого боится весь офис, а собой — тем Алексеем, которого знали только близкие. Который мог выпить пива прямо из горла, грязно выругаться на заглохший движок и заржать в голос над дурацкой шуткой.

— Ладно, — сказал я, когда часы показали далеко за полночь. — Пора по домам. Завтра большой день.

— Слушай, Лёх, — Боксёр задержал меня у двери. — Ты сегодня правда дёрганный. Эта мышь из офиса тебя так завела?

— Не в мыши дело, — я помолчал. — Просто она... пахнет так же, как трасса. И говорит так же.

— Как кто?

— Неважно, — я хлопнул его по плечу. — Завтра увидимся.

Я сел в свой внедорожник и поехал домой. Ночной город проносился мимо огнями. В голове снова всплыла картинка: завтрашняя трасса. Рёв мотора. И она. Лиса. Как она уходит из-под моего носа в повороте, как мелькает её чёрный кузов, как она смеётся по рации.

И где-то на краю сознания — совсем другая картинка. Серая мышь в кардигане, которая стоит передо мной в кабинете и говорит: «Интуиция — не входит в мою компетенцию». Почему этот момент застрял во мне? Почему её голос звучал так... знакомо?

Я тряхнул головой и вдавил педаль газа в пол. Двигатель взревел, вжимая меня в кресло. Адреналин хлынул в кровь. Вот что мне нужно. Скорость. Риск. Дорога.

Всё остальное — лишнее.

У себя в квартире я скинул одежду и встал под горячий душ. Вода стекала по плечам, по шрамам на боку (последствия давней аварии), по мышцам, которые ныли после долгого дня. Я закрыл глаза и глубоко дышал.

Перед внутренним взором снова она. Снова Лиса. И снова этот чёртов кардиган.

Я выключил воду, вышел, обернул полотенце вокруг бёдер и подошёл к окну. Город спал. Где-то там, в одной из квартир на окраине, сейчас, возможно, тоже не спит она. Чёрная Лиса. Готовится к завтрашней схватке. Проверяет свою «Хонду». Думает обо мне так же, как я о ней.

Завтра всё решится. Завтра я либо выиграю, либо... нет. Других вариантов нет. Я выиграю. Я всегда выигрываю.

Но даже если выиграю, вопрос останется. Кто она? Как её найти? И что я с ней сделаю, когда найду?

Я лёг в постель и уставился в потолок. Сна не было. Только мысли. Только предвкушение.

И ещё этот проклятый кардиган, который почему-то отказывался выходить из головы.

Суббота. Ну же, давай.

Глава 3. Красная зона

(Повествование от лица Веры)

Суббота. День, когда я переставала быть серой мышью.

Суббота. День, когда я переставала быть серой мышью.

Утро началось обычно: тихая квартира, свет, льющийся сквозь неплотно задёрнутые шторы, остывший чай на тумбочке. Но внутри всё уже пело. Сегодня «Кубок Феникса». Сегодня ночью я снова стану той, кем должна быть. Той, кого боятся и хотят обогнать.

Я провела ритуал. Долгий душ, потом кофе без сахара, потом полчаса перед зеркалом. Но не затем, чтобы красить лицо. Я рассматривала себя — ту, настоящую. Огненно-рыжие волосы, ещё влажные, сияли в утреннем свете, как расплавленная медь. Я зачесала их назад, открывая лицо. Без очков мои карие глаза казались больше, ярче, в них уже плясали те самые дерзкие искры, которые так бесят Молнию. Скулы, подбородок — всё стало резче, контрастнее. Из отражения на меня смотрела не Вера Соболева, финансовый аналитик, а Чёрная Лиса. Икона стилия ночных гонок.

Я надела чёрный топ, облегающий фигуру, кожаные леггинсы, высокие ботинки на шнуровке. Посмотрела на руки. Мозоли. Сегодня они не спрячутся под столом. Сегодня они будут сжимать руль. Я улыбнулась своему отражению, и улыбка вышла хищной. Та самая, которую я никогда не позволяла себе в офисе.

День прошёл в нетерпении. Я поехала в гаражный кооператив, где меня ждали мои мальчики — Паша и Дэн. Гараж встретил привычным запахом масла, прокуренных стен и старого рок-н-ролла из колонок. Моя «Хонда» стояла на подъёмнике, и Паша как раз заканчивал последние настройки.

— Лиса, турбина дышит как надо, — доложил он, не оборачиваясь. — Сорок лошадей сверху. Молния будет в шоке.

— Он и так в шоке каждую субботу, — я хмыкнула, натягивая перчатки. — Но сегодня особенный случай.

— Особенный? — Дэн, второй механик, оторвался от компрессора. — Ты про «Кубок Феникса»?

— Да. И про Молнию, — я провела рукой по карбоновому капоту. — Сегодня я не просто его обгону. Я сломаю его эго.

Паша хохотнул:

— Ты с каждым разом всё злее. Что он тебе сделал-то?

— Дышит в затылок, — я запрыгнула на сиденье «Хонды» и положила руки на руль. — И он слишком самоуверенный. Пора сбить с него спесь.

На самом деле, внутри меня творилось что-то странное. Я вспомнила вчерашний разговор в кабинете босса. Как он смотрел на меня — так, будто видел насквозь. Как его голос, низкий и хриловатый, спросил про интуицию. И как я сама чуть не выдала себя этим коротким выдохом. Чёрт. Я гнала эти мысли весь день. Они мешали. Но где-то в глубине души уже зародилось подозрение — тонкое, как трещина на стекле. Запах бензина от его рук. Мозоли, которые я заметила на его ладонях, когда он взял папку. Нет. Этого не может быть. Просто я слишком много думаю о гонках.

Вечер опустился на город быстро. Я поужинала, проверила экипировку: комбинезон, шлем с зеркальным визором, перчатки. Всё на месте. Затем выехала из гаража и направилась к «Северному».

Заброшенный аэродром встретил меня привычным хаосом. Сотни машин, костры, гул голосов, биты басов из чьих-то колонок. Проекторы вырывали из темноты клубы пыли и выхлопных газов. Здесь собирались те, кто жил скоростью. Я медленно проехала сквозь толпу,

чувствуя, как взгляды прилипают к моей «Хонде». Кто-то выкрикнул: «Лиса! Лиса приехала!». Я не реагировала. Вся эта шумиха была лишь фоном для настоящего — для трассы.

Я припарковалась у своего обычного места, где меня уже ждали Паша и Дэн с инструментами. Заглушила двигатель и несколько секунд сидела в тишине кокпита, собираясь с мыслями. Предстояло три круга ада. И на этом аду будет он.

Я вылезла, и холодный ночной воздух тут же коснулся разгорячённой кожи. На мне был огнеупорный комбинезон — чёрный, с тонкой рыжей полосой по бокам, который плотно облегал фигуру, не оставляя простора воображению. Я знала, что выгляжу в нём опасно. Так и задумано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.